

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович — доктор исторических наук, профессор, научный редактор журнала "Социологические исследования".

Историческая социология в первом приближении - дисциплина, связанная с обращением социологов к социальному материалу прошлого, к соответствующим документам, источникам и методам при сохранении качественной специфики социологического знания. Она находится на грани исторической и социологической науки. Такое понимание исторической социологии не нарушает типологии выделения экономической, политической, правовой, культурной и других отраслей социологических наук.

Для актуализации проблемы приведем эпизод из 1964 г. Место действия - Москва, совещание, созванное Президиумом АН СССР по "разработке методологических проблем вопросов истории". В докладе академиков П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева был раздел "История и социология". Здесь говорилось об исторической социологии за рубежом: «В течение последних десятилетий произошел окончательный разрыв между "западной" социологией и историей. Некоторое время существовала искусственно созданная дисциплина - историческая социология, но, лишенная полноценных связей с анализом явлений современного общества, с их генезисом и судьбой, она зачахла и погибла». Отмечалось, что "отделение социологических обобщений от изучения конкретной истории - это скверная традиция буржуазной социологии. Именно буржуазная социология с самого своего возникновения отделилась непроходимым рвом от конкретной истории". Прозвучала и характерная оценка социологии в целом (Б.М. Кедров): «С момента возникновения марксизма, в том числе — исторического материализма, потребность, а тем более необходимость в какой-то "социологии" отпала... Сделал ненужной социологию именно исторический материализм. Он и есть та самая "марксистская социология"» [10, с. 14, 121].

В такой обстановке социология в СССР и тем более историческая социология, "зачахшая и погибшая" на Западе, нормально развиваться не могли. Правда, на упомянутом совещании противники социологии не получили поддержки. В решении Президиума АН СССР от 3 января 1964 г. по данному вопросу отмечено отсутствие глубоких социологических обобщений в трудах историков и необходимость усиления социологической проблематики вузовских программ по истории [10, с. 337]. К совещанию 1964 г. мы вернемся. Сейчас же отметим, что таким же было положение исторической социологии в других социалистических странах: в ГДР, где особенно активно велась полемика с западногерманскими историками и социологами, в Польше, Болгарии [8, 31, 64].

Между тем слухи о гибели исторической социологии на Западе оказались преувеличенными. Эта дисциплина действительно переживала трудности. Так, в 1958 г. Г.Э. Барнз, выпустивший книгу "Историческая социология" за десять лет до этого, писал, что историческая социология мертва и нет никаких шансов на ее возрождение [29; 30, р. 266]. Но это была лишь часть проблемы. В это время историческая социология переходила в новый этап развития. Прежние этапы были связаны (первый) с историзмом (эволюционизмом) социологов XIX в. и (второй) с пришедшим на смену увлечением эмпирическими социальными исследованиями. Эволюция исторической социоло-

гии, социологической и исторической наук, всего комплекса наук об обществе, уточнение их качественной специфики при этом в отдельных странах шло своими путями. А развитие и взаимодействие наук поднимало на новую ступень понимание задач исторической социологии.

История была тесно переплетена с социологией в трудах О. Конта и Г. Спенсера, А. Де Токвиля. Г. Спенсер продемонстрировал значение эволюции, и большая часть социологии XIX и начала XX века строилась по этому образцу. М. Вебер использовал исторические данные для обоснования положений, ставших классикой социологии. Шло становление сравнительных исторических исследований. К социологам того времени применимы слова Н.И. Кареева о М.М. Ковалевском: "Он строил социологию не сверху, исходя из какой-либо философии, а снизу, опираясь на фактический материал, доставленный историей" [6, 1997, с. 50].

Однако М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, В. Парето, П.А. Сорокин, Р. Михельс, переведя социологические исследования в эмпирическое русло, непреднамеренно содействовали тому, что пути развития истории и социологии на несколько десятилетий разошлись. Широкое распространение эмпирических исследований снизило внимание социологов к историческому материалу. Среди социологов, изучавших то, что поддается точным измерениям, утвердились подходы вне-исторические, если не антиисторические. В исследованиях целого поколения социологов редко можно было встретить ссылки на данные прошлого.

Кроме того, дифференциация наук об обществе, освоение ими специфических проблем и методов заставляли социологов на время "уходить в себя". Интенсивно формировались экономическая, политическая, правовая отрасли социологии. И хотя в 20-30-е гг. встречалось характерное для XIX в. применение социологами исторического материала при умозрительном описании общественных явлений ("Социология большевизма" В. Бурцева, "Социология политических убийств" Х. Килиана и др.), такие работы были нетипичны.

В первой половине XX в. роль истории и социологии в науках об обществе различалась по линии номотетической (описание родовых явлений) в случае социологии и идиографической (описание единичного) - для истории. Это была формула В. Риккерта: социология - обобщающая наука в отличие от истории [21, с. 62]. Так в словаре-справочнике "Социология" (ФРГ, 1969 г.) говорится, что историк описывает однократные события, явления, в то время как социолог познает общее, генерализирует явления и факты: конкретность, описательность, однократность для истории и генерализации, поиск тенденций и закономерностей для социологии [64, S. 1077]. И другие авторы различали эти дисциплины по конкретности, описательности для истории и генерализации, поиска тенденций и закономерностей для социологии.

Среди историков отношение к социологии было не однозначным. Об этом в свое время писал Н.И. Кареев: "В главе об отношении наших историков к социологии мы видели, до какой степени последние игнорировали социологию... Что касается историков, то среди них особенно было распространено недоверие к социологии и даже прямо отрицательное к ней отношение" [10, с. 133, 153]. Надолго запомнилась советским историкам сталинская критика вульгарного социологизма так называемой школы М.Н. Покровского. Заметим, что и за рубежом эти отношения были тоже не безоблачными.

До 50-60-х гг. труды по исторической социологии строились как социологическое осмысление исторических и антропологических, археологических данных об обществах, к которым историк имеет доступ на основе исторических свидетельств, выявление на историческом материале параметров проблем, изучаемых современной социологией: социализация личности, ролевые распределения, гендерные проблемы, общественная организация, группы и слои общества и др. Так у В. Брельсфорда историческая социология предстает как "введение" в эволюцию общества и культуры древних и античных обществ, при использовании всех исторических источников включая археологические [32]. Г. Барнз акцентирует в исторической социологии ее

роль как науки об эволюции культурной, антропологической. Расширительное понимание исторической социологии как философии истории у П. Барса (Barth) [29, p. 61, 117]. Историческая социология играла роль и теории истории, но чаще означала применение приемов, наработок социологии к изучению и интерпретации прошлого.

Десятилетия первой половины XX века для исторической социологии готовили ее новую роль. Менялись, усложнялись история и социология, представления о научности этих дисциплин (от описания к пониманию, объяснению и т.д.), о принципиальной возможности обоснования закономерностей эволюции человеческого общества. Накопление социологического материала об отдельных странах, общественных институтах, формах перемен и т.п. привело к разработкам сравнительно-исторических моделей развития - в отличие от теорий XIX в., отличавшихся упрощенной генерализацией. Развитие наук об обществе, их дифференциация по предметным областям, образование политической, экономической, социальной, психологической истории, формирование областей прикладной социологии: экономической, политической, культурной, правовой и т.п., - не могли не сказаться в дальнейшем.

Судьба исторической социологии оказалась связанной с успехами самой социологии, а также тех отраслей знания, которые формировались в связи с социологией. Имена многих антропологов, культурологов, социальных психологов, этнологов, содействовавших появлению этих постепенно обособлявшихся дисциплин, вошли и в историю социологии как демонстрация важности рассмотрения эволюционной составляющей общественных явлений, их исторического прошлого.

В социологии стран Запада ее взаимодействие с историей шло по-разному. Сказывалась роль того или иного крупного социолога, как правило, основателя социологии как научной, университетской дисциплины. Еще в начале XX в. под влиянием социологии, неудовлетворенные состоянием традиционной историографии ряд молодых французских историков обратились к трудам Э. Дюркгейма, М. Мосса, М. Хальбвакса, что содействовало возникновению школы "Анналов". В ее рамках целое поколение внедряло в исторические исследования прошлого междисциплинарный подход, апробировало идеи, выдвинутые социологами, культурологами, антропологами, экономистами и т.п. "Анналисты" начали изучение повседневности, менталитетов, взаимодействия людей с окружающей средой, а также семьи, брака, религиозных и общественных институтов прошлого, - то есть людей в ушедших времени и пространстве [4, 23]. Во Франции плодотворность этих подходов была доказана настолько, что после 50-х гг. здесь уже не приходилось специально говорить о месте социологического знания в исторической науке [45].

Такие же процессы в 20-50-е гг. шли в других странах. В частности, брат М. Вебера социолог и культуролог А. Вебер оказал существенное влияние на формирование культурной антропологии и социологии в Германии. В США за взаимодействие исторической науки с социологией выступила школа "социальной науки", стремившаяся внедрять данные наук об обществе в практику государственной власти и управления.

Но эти два-три десятилетия показали, что микросоциология, социометрия, феноменология, увлечение структурами и институтами, придавая социологии качества точной науки, лишают фундаментальности социологические концепции и практические рекомендации. В период освобождения колониальных стран обнаружилась невозможность перенесения сюда казалось бы апробированных институтов и структур, выявленных социологами. "Консультативная" роль социологии оказалась под вопросом. Подтвердился вывод М. Вебера о том, что современные проблемы часто связаны со спецификой исторических событий, которые действовали в одних условиях не так, как в других [66, p. 37]. Возник новый "заказ" к исторической социологии, обнаружение специфики конкретной страны и выявление на сравнительной основе общих тенденций.

Интерес к исторической социологии приобрел новое качество. С 60-х годов рефлексия по поводу соотношения социологии и истории вышла на новый уровень. В западной исторической социологии начались перемены. Недостаток внимания к

истории социологи признали и активно преодолевали. Критике со стороны, в частности, Ч.Р. Миллса и Р. Дарендорфа подвергся в 60-е гг. Т. Парсонс. В ответ на критику он становится "историчнее", о чем свидетельствует его книга "Общества: эволюционная и компаративная перспективы" (1966 г.) [57]. В Германии, где были образцы историко-социологических исследований К. Маркса и М. Вебера, завязалась дискуссия об исторической социальной науке (Х.-У. Велер), "эмпирической социальной науке о прошлом" (В. Фишер). Ю. Кокка призывал "подходить к изучению истории с построенными на теории постановками вопроса" [47, S. 31]. В Англии, в том числе с участием историков-марксистов К. Хилла, Э. Хобсбома, Э. Томпсона стали развиваться исследования истории социальных структур, квантитативная история. В Кембриджском университете сформировалась *Группа по истории социальных структур и населения* [47, S. 206-214]. "Новую социальную историю", - так стали называть это направление исследований - активно продвигал журнал "*Past and Present*" [67]. В США, отмечал в 1968 г. Р. Хофштэтер, "барьеры между двумя дисциплинами за последнее десятилетие заметно растаяли" [66]. Активно выступал в качестве историка-социолога Ч. Тилли [69]. В 1988 г. появился "Журнал исторической социологии".

Развитие историко-социологических исследований создало определенные проблемы для тех, кто привык к традиционной "нарезке" поля общественных наук. Но самокритика и самоанализ общих и частных проблем обществоведения помогли наращиванию теоретичности и практической значимости науки.

В том же направлении, но медленно и трудно в 60-80-е гг. развивалась историческая социология в СССР. От работ этого профиля требовался ретроспективный поиск подтверждений установок настоящего, делая невозможным ситуативное исследование прошлого. Историческая наука не могла повернуться (и вернуться) к кругу проблем, составляющих общее поле истории и социологии. Концентрация на истории партии-государства шла в ущерб изучению истории народа, общества. Архивы были закрыты: "Из небольшого, ограниченного и случайного материала общесоциологических больших обобщений можно не делать. Они просто не получатся" (А.Л. Сидоров) [10, с. 179]. Методологическое и методическое отставание общественных наук было фактом. Сравнительно-исторические работы должны были отражать успехи страны, союзных республик, мирового социализма, решение в стране национального вопроса и т.п.

Но перемены в исторической социологии шли. Многозначительно то, что материалы совещания 1964 г. вышли под обложкой "История и социология", хотя эта проблема на нем фактически была периферийной. В 1967 г. М.М. Громыко, специалист по заселению Западной Сибири крестьянами из России, писала, что "термин историческая социология начинает приобретать право на существование в нашей литературе", а взаимное проникновение и взаимодействие истории и социологии "стало сегодня реальным фактом гуманитарных наук". К проблемам исторической социологии автор отнесла конкретные исторические исследования с применением социологических методов и с задачей выхода в социологию, а также выяснение общих социологических закономерностей [3]. Анкетирование вышло за пределы этнографии. Историко-социологической проблематике уделяли внимание журналы, издательства, вузы.

В 1980 г. Л.М. Дробижева показала значение историко-социологических исследований для "современной истории": социальный состав советского общества, облик слоев и групп его, национальные отношения и др. [5]. Б.Н. Миронов исследовал динамику цен на хлеб, историческую демографию, отношение крестьян России к труду, социологию городов России и др. [18]. Контент-анализу были подвергнуты листовки времен гражданской войны. Появились вузовские спецкурсы для историков, социологов, этнографов по проблемам исторической социологии [12, 6]. Проявился личностный фактор: школа И.Д. Ковальченко активно осваивала квантитативную историю, широко применяя методы социологии [16, с. 17]. В 1987 г. появился фундаментальный труд И.Д. Ковальченко по теории и методологии исторической науки, отразивший ряд аспектов исторической социологии [12]. Б.Ф. Поршнев, рано ушедший из жизни,

разрабатывал перспективное направление исторической социальной психологии [19]. Но частные перемены не решали проблем исторической социологии. Установка на "конкретные" исследования сужала предметную область применения историко-социологического знания, закрывала возможность обобщений.

Сделать можно было больше. Это можно показать на кратком обзоре историко-социологической литературы по проблемам СССР, выполненной за рубежом в рамках советологии. Здесь немного эмпирических исследований: опрос репатриантов из СССР в Германию накануне Великой Отечественной войны, опрос социологами США перемещенных лиц (св. 10 тыс. респондентов) после войны, опросы аудитории иностранных радиостанций, групп выезжавших из СССР в 70-е гг. [71].

Велись социологические исследования проблем истории России и СССР. Ряд авторов выполнили социологический анализ построения и деятельности российских партий начала XX в. - от социал-демократов до правых [39, 42, 53, 59]. У. Розенберг провел компьютерную обработку итогов муниципальных выборов в России летом 1917 г. [62]. Был подготовлен ряд исследований (в силу доступности исторических источников) по социологии российской деревни [27, 28, 51, 64], по социальной мобильности, в частности через систему образования, выдвижения и др. [36]. Распространение получили историко-социологические, в том числе - сравнительные методы исследований процессов в советских властвующих элитах (правительство, выборные советские и партийные органы в центре и на местах), позволявшие отслеживать эволюцию возрастных, образовательных, национальных, институциональных перемен в СССР [52, 53, 56, 60]. Прослеживались процессы в структурах органов власти СССР, усложнение проблем управления, элементы ведомственного соперничества. Вниманием пользовались республики и национальные регионы СССР, проявления этнической напряженности, национализма [36, 40]. Его интенсивность замерялась прямыми и косвенными методами.

В 60—80-е годы западные социологи-стажеры в СССР подготовили работы по проблемам элиты на материале г. Тирасполя (Р. Хилл), этносоциальным проблемам (исследование К. Хэмфри экономических, социальных, этнических, религиозных аспектов жизни колхозников артели им. Карла Маркса в Бурятии) [43, 46] и др. Сейчас по этим исследованиям можно судить о чертах советского прошлого. Изучались проблемы классов, социальные процессы и социальная структура в СССР [34, 40, 48, 52, 61].

Характерным для этих работ было применение социологических методов, например, контент-анализа публикаций в "Правде" портретов в конце 20-начале 30-х годов, подтвердившего смещение акцента от пролетариев к людям с более высоким статусом [63]. Примером использования методов социальной психологии служат книги известного американского историка Р. Такера о Сталине, переведенные на русский язык. Еще в 60-е годы была выявлена тенденция старения (и "дегенерации") властвующего слоя, отставания от потребностей научно-технической революции, затем - компьютерного века. Близкими к действительности оказались оценки потенциала национализма, и т.д. Об эффективности этих исследований можно судить по тому, что советологи с конца 70-х годов обсуждали проблему, которая казалась, очевидно, властвовавшим в СССР группам совершенно немислимой - проблеме возможности крупного, "кумулятивного" кризиса в СССР "после Брежнева", со сценариями, близкими к тому, что случилось потом, после 1988 г. [25, 33].

И дело не столько в этом прикладном аспекте историко-социологического и иного изучения СССР. Наряду с частными историко-социологическими работами накопление сравнительного социо-исторического материала позволило вырабатывать актуальные теории среднего и макро-уровней: тоталитаризм, развитие, социальный протест, революции, элиты, общественные движения и партии, индустриальное общество, модернизация и др. Работы советологов своими выводами - часто выполненные компаративными методами - подняли на новый уровень общетеоретические представления о социологических проблемах среднего и мега-уровней: элиты, бюрократии, партии, политические системы, революции, модернизация, индустриализм и т.п. [26, 37, 44, 55, 65].

Совокупный опыт СССР, социалистического "лагеря", включая их уход с исторической арены, стал материалом для интерпретации глобальных трансформаций [35,73].

За рубежом проблематика исторической социологии утратила в последние годы актуальность. Связано это с тем, что выработался определенный *modus vivendi*, набор способов использования социологических приемов и методов в исторических исследованиях, устоялась парадигма взаимодействия обеих наук, устоялась сама историческая социология. Для историков актуальнее освоение данных культурологии, антропологии, социальной психологии, семиотики и др. Спор о том, является ли история наукой или искусством, являются ли гуманитарные науки науками? Эти проблемы обсуждаются учеными западных стран. Идет интенсивное осмысление перспектив науки об обществе в целом. Пути исторической социологии, как и исторической, социологической науки зависят от процессов в развитии науки об обществе. Возможно, скачок в доступности обществоведческих источников через компьютер и Интернет резко повысит производительность исследователя и сократит этап накопления информации и исследовательского опыта. Грядущее столетие может увидеть институционализацию "исторической социальной науки", важной частью которой очевидно будут историческая и социологическая науки.

В России ученые компенсируют пробелы стыка ("интерфейса") истории и социологии, и от решения этой задачи зависит достижение научного знания о тенденциях общественного развития. С конца 80-х гг. положение исторической социологии меняется. Гордон и Клопов попытались осмыслить проблемы истории СССР, используя теории модернизации, индустриального общества [2]. Ю.Е. Зубкова исследует проблемы менталитетов на материале советского времени [6]. Выходят публикации, близкие исторической социологии, защищаются диссертации [1, 8,16, 18]. Историки бросились в ранее закрытые архивы, социологи - "в поле". Расширились контакты с зарубежными учеными, публикуются их труды.

Но в целом положение российской исторической социологии, как и всей науки после 1991 г. очень непростое. Из всего комплекса причин мы бы выделили одну: наступили трудные времена самоопределения, выбора методологии и теории исследования, смены его "парадигмы". В России положение сейчас напоминает то, что на Западе пройдено: "...социология проникает в историю медленно, встречая серьезные препятствия и возражения со стороны многих историографов. Социологи также не спешат в область истории, считая свою науку более "позитивной", точной, экспериментальной" [7, 1997, с. 44]. Но речь, в сущности, идет о профессионализме. И социология - в большей своей части - не может не быть историей, ибо социальные явления имеют прошлое, а их настоящее в некоторой степени определено прошлым.

Дебаты по поводу комплекса наук об обществе, о роли в нем отдельных дисциплин продолжаются, и они окажут влияние на судьбу исторической социологии. Плодотворность применения методов и достижений социологии в изучении прошлого несомненна. Усилия в этом направлении можно продолжать и наращивать. Это могут быть исследования истоков криминальной суб- и контр-культуры слоев российского общества, исторических корней бытового сознания населения, элит и причин их неспособности вывести общество из кризиса, предпосылки формирования политической культуры групп и слоев общества, отношения к Западу, Востоку, Югу, модели российской трансформации, места страны в глобальном сообществе и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архинов АИ.* Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994, № 7.
2. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989.
3. *Громыко М.М.* О некоторых задачах исторической социологии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общест. наук. 1967. Вып. 3. № 11.
4. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993.

5. Дробижева Л.М. История и социология. М., 1971.
6. Зубкова Е.Ю. Общество и реформа 1945-1964. М.: Россия молодая, 1993. Она же и Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995, № 7.
7. Иванов ВВ. Введение в методологию социологии. К проблеме соотношения методологии и методики в социологии науки. Казань, 1997. Он же. Методологические основы исторического познания: Учебное пособие по исторической социологии. Казань, 1991.
8. Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972.
9. Исаев В.И. Коммунизм или коммуналка? Изменение быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск, 1996.
10. История и социология. М., 1964.
11. Кареев Н.И. Марксистская социология // Мир России. 1992. Т. I. № 1.
12. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
13. Кудрявцев В.Н. Об особенностях гуманитарных и социальных наук // Новая и новейшая история. 1995, №3.
14. ...Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. 1-2. М., 1977.
15. Малов В.И. Людовик XIV: опыт психологического портрета // Новая и новейшая история. 1996. № 6.
16. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.
17. Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
18. Миронов Б.Н. Историк и социология. М., 1981.
19. Могильщик Б.Г. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2.
20. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
21. Проблемы методологии истории // Новая и новейшая история. 1996. № 6.
22. Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. №3.
23. Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов". М., 1993.
24. Черных А.И. Историческая социология: становление социальных институтов Советской России. Дисс... докт. социол. наук. М., 1997.
25. After Brezhnev. Sources of Soviet conduct in the 1980th/Ed R. Byrnes. Bloomington. 1983.
26. Ahlberg R. Die sozialistische Bürokratie. Stuttgart u.a., 1976.
27. Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. Munchen, 1984.
28. Atkinson D. The end of the Russian land commune 1905-1930. Stanford, 1983.
29. Barnes H.E. Historical sociology: its origins and development. Theories of social evolution from cave life to atomic bombing. NY., 1948.
30. Barnes H.E. Historical sociology // Contemporary sociology. NY. 1958.
31. Bollhagen P. Soziologie und Geschichte. B., 1966.
32. Brelsford V. Historical sociology. An introduction to societal evolution and culture. L., 1944.
33. Breslauer G. Five images of the Soviet future: a critical review and synthesis. Berkeley, 1978.
34. Brockmann J. Die Differenzierung der sowjetischen Sozialstruktur. B., 1978.
35. Burks R.V. Communism, Modernisierung und Geschichte // Osteuropa. 1977. № 1 1.
36. Carrere d'Encausse H. L'empire eclate. La revolt des nations en l'URSS. P., 1978.
37. Eisenstadt S.N. Revolution and the transformation of societies. A comparative study of civilizations. NY, 1978.
38. Elwood R.C. Russian social democracy in the underground. A study of the RSDRP in the Ukraine, 1907-1914. Assen, 1974.
39. Fainsod M. How Russia is ruled. Cambridge. Mass., 1953 (1963).
40. Farmer K. Ukrainian nationalism in the post-Stalin era. Myth, symbols and ideology. The Hague e.a., 1980.
41. Fitzpatrick S. The cultural front: power and culture in revolutionary Russia. Ithaca - L., 1992.
42. Fitzpatrick S. Education and social mobility in the Soviet Union 1921-1934. Cambridge, 1979.
43. Hill R. Soviet political elites. The case of Tiraspol. L., 1977.
44. Hirszowicz M. The bureaucratic Leviathan. A study in sociology of communism. Oxford, 1980.
45. L'histoire et le metier d'historien en France 1945-1995. P., 1995.
46. Humphrey C. Karl Marx Collective. Economy, society, and religion in a Siberian collective farm. Cambridge e.a.. 1983. Iggers G. Neue Geschichtswissenschaft. Vom Historismus zur historischen Sozialwissenschaft. Miinchen, 1978.
47. Lane D. The roots of Russian communism. A social and historical study of Russian social-democracy. 1898-1907. Assen, 1969.
48. Lane D. The socialist industrial state. Towards a political sociology of state socialism. L.. 1976.
49. Littlejohn G. A sociology of the Soviet Union. L., 1984.

50. *McAuley A.* Women's work and wages in the Soviet Union. L., 1981.
51. *Male DJ.* Russian peasant organization before collectivization, a study of commune and gatherings 1925-1930. L., 1971.
52. *Matthews M.* Class and society in Soviet Russia. NY., 1973.
53. *Matthews M.* Privilege in the Soviet Union: a study of elite life-styles under communism. L., 1978.
54. *Meyer G.* Sozialstruktur sowjetischer Industriearbeiter Ende der zwanziger Jahre. Ergebnisse der Gewerkschaftsumfrage unter Metall-, Textil- und Bergarbeitern 1929. Marburg, 1981.
55. *Monnerot J.* Sociologie de la revolution. P., 1969.
56. *Mosse W.E.* Makers of the Soviet Union // Slavonic and East European review. 1968. № 106.
57. *Parsons T.* Societies. Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs, 1966.
58. *Perrie M.* The social composition and structure of the socialist-revolutionary party before 1917 // Soviet studies. 1972. V. 24. №2.
59. *Rexheuser R.* Dumawahlen und lokale Gesellschaft. Studien zur Sozialgeschichte der russischen Rechten vor 1917. Koln, 1980.
60. *Rigby T.H.* Lenin's government: Sovnarkom 1917-1922. Cambridge e.a., 1979.
61. *Rimlinger G V.* Welfare policy and industrialization in Europe, America, and Russia. NY, 1971.
62. *Rosenberg R.W.* The Russian municipal Duma elections of 1917: a preliminary computation of returns // Soviet Studies. 1969. V. 21. №2.
63. *Sartori R.* Pressefotographie und Industrialisierung in der Sowjetunion. Die Pravda 1925-1933. B. e.a., 1981.
64. *Shanin T.* The awkward class. Political sociology of peasantry in a developing society: Russia 1910-1925. Oxford, 1972.
65. *Skocpol T.* States and social revolutions. A comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge, 1979.
66. Sociology and history: methods. Ed by S. Martin Upset and R. Hofstadter. NY-L., 1968.
67. *Stone L.* The Past and Present revisited. L., 1987.
68. *Teckenberg W.* Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Miinchen—Wien, 1977.
69. *Tilly C.* As sociology meets history. NY, 1981.
70. *Topolski J.* Teoria wiedzy historycznej. Poznan, 1983.
71. *linger A.* Political participation in the USSR: YCL and CPSU // Soviet Studies. 1981. V. 33. № 1.
72. Wörterbuch der Soziologie. Stuttgart, 1969.
73. *Zapf W.* Die Modernisierungsgeschichte und unterschiedliche Pfade der gesellschaftlichen Entwicklung // Leviathan. 1996. № I.